

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(к.филос.наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

О «ФИЛОСОФСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ» КАТЕГОРИИ ФОРМА ПРЕВРАЩЁННАЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления аутентичной Марксовой трактовки категории формы превращённой. В связи с этим, даётся ретроспективный анализ её «родословной» в истории философской мысли.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, история, развитие, субстанция, форма превращённая-форма исходная, положенное (*das Gesetzt*), наличные формы.

Предлагаемая статья является продолжением начатого ранее разговора о двух противоположных теоретико-познавательных позициях, которые сложились в исследовательской литературе по поводу предметного содержания, роли и методологического значения категории формы превращённой в научно-теоретическом мышлении. Напомним вкратце те вопросы, которые стояли в центре внимания в нашей прошлой статье (См.: [1]), без принципиального ответа на которые указанная категория рискует навсегда остаться бесполезной беллетристической побрякушкой в руках исследователей. Вот эти вопросы: **а)** каково предметное содержание категории «форма превращённая»? **б)** что побудило К. Маркса ввести в научный оборот категорию *формы превращённой*? **в)** была ли категория *формы превращённой* каким-либо образом укоренена в истории философской мысли *до Маркса* или она – специфическое порождение марксизма⁴? **г)** каков вообще круг проблем, который может быть решён с её помощью? Дальнейшее рассмотрение этих вопросов поможет понять, почему при всей значимости совершённого Марксом открытия (формы превращённой) эта ключевая для анализа функционирования и развития сложных саморазвивающихся систем категория так и не стала действенным инструментом современного научно-теоретического мышления.

Думается, это не в последнюю очередь связано с той односторонне-упрощённой трактовкой категории формы превращённой как исключительно *формы извращённой и превратной*, которая возобладавала после статьи М. К. Мамардашвили [2] и которая ввиду такой выхолащенности категориального содержания в итоге на долгие годы обусловила её не востребованность социально-философской мыслью конца XX – начала XXI века.

Указанной не востребованности категории формы превращённой в немалой степени способствовало также отсутствие в исследовательской литературе сколько-нибудь прояснённой её «философской родословной», которая могла бы, с одной стороны, пролить свет на понимание того, прямой наследницей каких философских проблем и категорий диалектики, существовавших *до неё* в истории философской мысли, она является, а, с другой стороны, дала бы возможность уяснить, *что́ тако-*

⁴ Если верно последнее, тогда правы те современные философы науки, которые отрицают преемственность и кумулятивность в развитии научного знания, в лучшем случае признавая возможность приращения знания внутри каждой отдельно взятой парадигмы.

го *особенного* есть в категории формы превращённой, чего не было в её предшественницах и что в итоге только и позволило ей стать методологическим средством решения сложнейших теоретических проблем, которые *до неё* и *без неё* были просто неразрешимы.

Найти сегодня ответ на этот вопрос, – значит понять, в чём заключалась *безусловная необходимость её появления* в философском арсенале Карла Маркса, значит решить задачу *обоснования* формы превращённой в качестве универсальной категории мышления.

Для решения этой задачи нет, пожалуй, лучшего средства, чем ретроспективный анализ проблемы, предполагающий *реверсивное движение мысли*, последовательно, шаг за шагом проходящее в обратном порядке путь, однажды когда-то уже пройденный предшествующей мыслью, закономерно оставившей после себя характерные метки – вехи своего восхождения по ступеням зрелости.

И первый же шаг на пути реверсивного движения мысли наталкивается на любопытное обстоятельство, а именно: на факт отсутствия в современной литературе не только анализа происхождения и становления категории формы превращённой *в предшествующей К. Марксу* философской мысли, но и на факт отсутствия *истории вопроса у самого К. Маркса*. Уж так повелось (опять-таки – с лёгкой руки М. К. Мамардашвили⁵ и его последователей, редуцировавших всё содержательное богатство данной категории к трактовке её как «*превратной формы превратного мира*»), что категория «форма превращённая», подобно Афине Палладе, явившейся из головы Зевса, родившего её *единолично*, явилась в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» тоже «из головы Маркса», родившего её тоже *единолично*, причём сразу и одновременно, без всяких «мук родов» и уж тем более – без всякой предыстории. Меж тем, дело обстоит совсем не так.

Ни в малейшей степени не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы, обратим внимание на некоторые важные моменты. В частности, на то обстоятельство, что «Экономические рукописи 1857-1861 гг.», «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости», будучи произведениями, относящимися к периоду зрелого марксизма (в плане завершения становления материалистического понимания истории⁶), тем не менее, являют собой качественно разные ступени в плане разработанности представлений Маркса о такой важнейшей категории диалектики, как форма превращённая. Разные вплоть до того, что в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.» превращённой формы как *терминологического выражения* ещё совсем нет, в то время как в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Капитале» это выражение *уже есть* и служит для обозначения одной из ключевых категорий материалистической диалектики, которой Маркс (а затем и Энгельс) будут активно пользоваться до конца своей научной деятельности.

⁵ В этой связи поражает следующий факт: как известно, статью «Форма превращённая» для «Философской энциклопедии» М. К. Мамардашвили писал в промежутке где-то между 1968 годом, когда вышло в свет первое издание его монографии «Формы и содержание мышления», и 1970 годом – годом выхода 5-го тома «ФЭ». И несмотря на то, что статья «Форма превращённая» писалась для «ФЭ», что называется, по горячим следам после упомянутой монографии, имевшей говорящий о многом (в связи с обсуждаемой нами проблемой) подзаголовок «К критике гегелевского учения о формах познания», автор почему-то даже не пытается задаться вопросом о необходимости сравнительного анализа постановки данной проблемы у Гегеля и у Маркса.

⁶ По этому поводу см.: статья Г.А. Багатурия «Первое великое открытие Маркса» [3, с. 107-173].

Сказанное не следует, однако, понимать в том смысле, будто в период 1857-1861 гг., когда велась и получила относительно завершение работа над так называемым *черновым* вариантом «Капитала», Маркс в силу того, что он не обрёл ещё нужный термин для разрабатываемого им понятия, не располагал также и *понятием* формы превращённой. В том-то всё и дело, что в этот период Маркс, уже используя *понятие* формы превращённой для анализа отношений современной ему действительности, тем не менее, ещё продолжает мучительно искать соответствующий этому понятию научный термин⁷, который смог бы адекватно и в целостном виде выразить всю специфику таких наличных форм бытия прибавочной стоимости, как прибыль, рента, процент и проч.

При этом для периода 1857-1861 гг. показательное следующее: уже всюду оперируя *понятием формы превращённой* для обозначения специфики онтологического статуса разнообразных наличных форм прибавочной стоимости, Маркс, тем не менее, вместо аналогичного термина в эти годы активно использует гегелевский термин *положенное* (das Gesetzte), характеризуя тем самым указанные формы как *формы положенные*.

Любопытно, что эти же самые наличные формы прибавочной стоимости чуть позже – в «Теориях прибавочной стоимости» (1861-1863 гг.) К. Маркс будет квалифицировать уже с помощью терминологического выражения *формы превращённые*. Правда, это новое выражение, появившееся в «Теориях прибавочной стоимости», ещё будет продолжать сосуществовать наряду с гегелевским *положенное* (das Gesetzte), хотя и при ярко выраженной тенденции вытеснения последнего. Тем не менее, в «Теориях прибавочной стоимости» ещё продолжает звучать старый рефрен: «В качестве потребительной стоимости товар выступает как нечто самостоятельное. В качестве стоимости, напротив, он выступает как нечто лишь *положенное*, определяемое лишь его отношением к общественно необходимому, одинаковому, простому рабочему времени» [5, с. 130]. И только в «Капитале» (1867 г.) указанные наличные формы бытия прибавочной стоимости Маркс будет характеризовать уже исключительно как *формы превращённые*, окончательно сведя счёты с гегелевским спекулятивным *понятием* das Gesetzte.

Пока же, в период 1857-1861 гг., всё содержательное богатство и своеобразие той внутренней связи явлений, которая скрыта за внешним фасадом налично бытийствующих форм прибавочной стоимости, Маркс пытается выразить, используя широкую палитру гегелевского понятийного аппарата: *положение, предположение,*

---

⁷ А это значит, что вопреки бытующему взгляду, согласно которому 1859 год и, в частности, знаменитое *Предисловие* «К критике политической экономии» ознаменовали-де собой *завершение* становления материалистического понимания истории (См.: Багатурян Г.А. «Первое великое открытие Маркса» [3, с.107-173]), дело обстоит не совсем так. В частности, именно эволюция представлений Маркса о форме превращённой свидетельствует, что *продолжение* позитивной разработки диалектики как метода научного исследования (включая соответствующий ей категориальный аппарат) активно велось вплоть до окончания работы над I-м томом «Капитала», в котором детальная разработка категории формы превращённой как *универсальной формы функционирования и развития общества* только и получает своё завершение. Красноречивым свидетельством тому служит Предисловие Маркса к I-му тому «Капитала» (1867 год), которое вносит заключительный штрих в общую картину материалистического понимания истории образца 1859 года: «...общество не твёрдый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [4, с. 11].

положенное, положенность, форма положенная и т.д. [См.: 6, с. 86, 196, 197, 251; а также: 7, с. 6, 7, 12, 144]⁸.

То, что термин *положенное* (das Gesetzte) не является чем-то случайным в научном словаре Маркса, а используется им вполне целенаправленно и в известном смысле является даже ключевым, становится понятным уже в силу хотя бы одного того, что во множестве случаев это выражение на отдельных страницах встречается до шести-семи раз [См., например: 7, с. 12]. В рассматриваемый период ни к одной другой категории диалектики Маркс не прибегал столь часто.

Что же именно так упорно пытается передать Маркс с помощью этого весьма странного (на первый взгляд) понятия – *положенное* (das Gesetzte)? И почему в дальнейшем он столь же решительно откажется от него в пользу понятия *формы превращённой*?

***

Несколько забегаая вперёд, скажем: Маркс так настойчиво ищет адекватный термин для закрепления в понятийной форме особой категории явлений, которые, будучи итогом и *результатом* преобразования исходного основания буржуазной экономической системы производства, при всей своей кажущейся квазисамостоятельности, всё же являются не чем иным, как *формами производными* от этого исходного основания системы – от прибавочной стоимости, а потому в своём существовании подчиняются её всеобщему закону и удерживают в составе своего содержания (пусть и скрыто, пусть и в модифицированном и даже весьма искажённом виде) её *всеобщую сущность*. Словом, Маркс упорно и целенаправленно ищет нужный ему термин для понятия, которое было бы способно схватывать и выражать в целостном виде «внутреннюю связь явлений», которые на поверхности событий кажутся существующими как вполне независимые и безразличные друг по отношению к другу и к своей собственной основе, некогда породившей их. Более того, Маркс не просто вырабатывает научное понимание особой категории явлений – он ищет их понятийную *формулу*, способную связать воедино многообразно *рас-*

---

⁸ Так, развенчивая миф о свободе и равенстве индивидов в условиях современного ему буржуазного общества, Маркс пишет: «В существующем буржуазном обществе, взятом в его совокупности, это *полагание товаров* в качестве цен, их обращение и т.д. выступают как поверхностный процесс, между тем как в глубине, под ним, протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают» [6, с. 196]. Немного далее Маркс продолжает развивать эту же мысль: «С одной стороны, забывают, что *предположение* меновой стоимости в качестве объективной основы всей производственной системы в целом с самого начала уже заключает в себе принуждение индивида; <...> что эта предпосылка *предполагает*, далее, разделение труда и т.д., где индивид поставлен уже в иные отношения, чем отношения просто *обменивающихся*, и т.д. Забывают, следовательно, что *предположение* меновой стоимости не только никоим образом не вытекает ни из воли, ни из непосредственной природы индивида, но является *исторической* предпосылкой и уже *полагает* наличие индивида как индивида, *определяемого обществом*» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 197].

Не менее показательны фрагменты, в которых Маркс рассматривает «*полагание цен* в сфере денежного обращения», в связи с чем он пишет следующее: «Обращение капитала представляет собой *полагание цен* не только формально, но и реально, поскольку это обращение *полагает* стоимость. Там, где стоимость сама выступает как предпосылка внутри обращения капитала, она может быть лишь *стоимостью, положенной* другим капиталом» (выделено Марксом) [7, с. 6]. Или, чуть дальше: «Эти две статьи расхода отдельного капиталиста [сырьё и орудие] оказываются *положенными чужим капиталом*» [7, с. 6], вследствие чего имеет место быть «*предположение* капитала капиталом, так что капиталы в различных отраслях производства *взаимно полагают друг друга* как предпосылку и условие» (курсив наш – Т.Р.) [7, с. 6-7].

членённые отношения соподчинения особенных наличных форм друг с другом и с общей им всем субстанцией. Иначе говоря, Маркс вырабатывает научное понятие-формулу, способную фиксировать развитие предмета с точки зрения результата, вобравшего в себя *ведущий к нему путь*, а значит – дающую в руки исследователю ключ к пониманию *механизма* развития (научный метод).

И надо сказать, ответы на поставленные вопросы в значительной мере содержатся уже в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.». В частности, в «Главе о капитале» Маркс следующим образом характеризует капитал в качестве денег: «Капитал есть деньги (*самостоятельно положенная меновая стоимость*) ...» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 251]. В этом, как и во многих других фрагментах, Маркс с помощью понятия *положенное* пытается зафиксировать *производный характер* денежной формы меновой стоимости от неё же самой как *субстанции товара*. О том, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствуют многочисленные характеристики денег, даваемые Марксом чуть ранее, в «Главе о деньгах»: «...деньги – только отделившаяся от субстанции товаров меновая стоимость и они обязаны своим возникновением лишь тенденции этой меновой стоимости утверждать себя в чистом виде...» [6, с. 105]. Ещё более определённо этот мотив звучит в утверждении Маркса, согласно которому «... меновая стоимость получает оторванное, отделённое от продукта существование. Меновая стоимость, отделённая от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*» [6, с. 89]. Поэтому неудивительно, продолжает свою мысль Маркс, что все без исключения «свойства денег <...> все они просто-напросто вытекают из их определения как отделившейся от самих товаров и овеществлённой меновой стоимости» [6, с. 90]. И уж совсем категорично (на той же самой странице), не оставляя ни малейших сомнений насчёт *производного характера* денежной формы меновой стоимости от неё же самой, только существующей в форме товара, Маркс резюмирует следующее: «Таким образом, меновая стоимость продукта *порождает* деньги, существующие наряду с продуктом» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 90].

В данном случае чрезвычайно важным является то, что Маркс характеризует деньги именно как «самостоятельно *положенную*», а не как просто «самостоятельно *существующую*» меновую стоимость. Разница между тем и другим просто колоссальная, ибо *быть положенным* означает, на языке Гегеля, *быть обусловленным* в отличие от чего-то безусловного, изначального, первичного; значит иметь своё основание не в себе самом, а в чём-то другом; значит – *быть зависимым* в своём существовании от этого другого как от некоего исходного основания, способного быть истинной *causa sui* / действующей причиной – субстанцией-субъектом, полагающим многообразие особенных, наличных форм бытия предмета.

Вот эти-то мотивы – *обусловленность* существования наличных форм буржуазной экономики иными причинами, нежели они сами, их *вторичность и производность* от этих других, сосуществующих вместе и наряду с ними форм (в конечном счёте – от прибавочной стоимости как субстанции всех без исключения экономических явлений буржуазного общества) – вот что пытается ухватить и всесторонне проработать Маркс с помощью гегелевского понятия *положенное* (*das Gesetzte*)⁹. А вот насколько пригодным для этих целей оказывается данное понятие – это уже другое дело.

⁹ Для этих целей Маркс специально вводит в свой научный инструментарий такое промежуточное понятие, как «формы вторичные, производные».

Так Маркс, говоря о том, что «Прибыль и процент представляют собой формы прибавочной стоимости» [7, с. 144], уже в период 1857-1861 гг. зачастую не довольствуется этой простой констатацией, а в порядке уточнения и детализации их (процента и прибыли) онтологического статуса недвусмысленно характеризует их именно как *«вторичные и производные формы прибавочной стоимости»* (курсив наш – Т.Э.) [7, с. 12], которая по отношению к ним выступает как их *субстанция* и потому – как их *всеобщая исходная форма*, а значит – и как *закон их существования*, пусть и модифицированный их особенными формами наличного бытия. Необходимость установления фактического отношения исторического и генетического родства между двумя и более реально существующими общественными явлениями – вот что интересует Маркса как учёного, вот для чего ему нужно специальное научное понятие-термин: чтобы суметь зафиксировать и отразить в составе теории особую группу, *особую категорию явлений* – вторичных и производных по своему происхождению от прибавочной стоимости, а значит – обусловленных в своём существовании прибавочной стоимостью как всеобщим законом, который в них и через них прокладывает себе дорогу в истории буржуазного общества.

И вот здесь-то прорывается наружу вся научная несостоятельность гегелевского понятия *положенное* (das Gesetzte), заключавшего в своём содержании чисто спекулятивную схему развития, под которую Гегелем просто подгонялась реальная природная и общественная история. Ф. Энгельс в 1888 г., т.е. спустя 30 лет после рассматриваемого нами периода даст глубоко точную оценку гегелевской умозрительной конструкции: *«У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. ... Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, то есть причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему, – это развитие является у Гегеля только отпечатком самодвижения понятия, вечно совершающегося неизвестно где...»* [8, с. 301].

«У Гегеля природа, - бесстрастно фиксирует Энгельс, - как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развёртывать своё многообразие в пространстве, и, таким образом, осуждённая на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития» [8, с. 287].

И в самом деле: именно потому, что у Гегеля и природа, и история – это *формы, положенные духом*, они не способны к самостоятельному развитию. Ущербность и природы, и истории, взятых в их гегелевской трактовке как *форм, положенных духом*, состоит в том, что они лишены своего собственного внутреннего источника саморазвития. Именно по этой причине, а не по какой-то другой, природа у Гегеля оказывается не способна к развитию во времени: разнообразные ступени и формы бытия природы *не вырастают* одна из другой и *не порождаются* одна другой, а *сосуществуют одновременно* – одна рядом с другой; именно поэтому она может только развёртывать своё многообразие в пространстве и выставлять *одновременно одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития*.

Что же касается истории, то и «В области истории - констатирует Энгельс, - то же отсутствие исторического взгляда на вещи» [8, с. 287]. И всё по той же причине, добавим мы. Ибо, несмотря на то, что история в целом хотя и понимается Гегелем как восхождение от низшего к высшему по ступеням зрелости, но и здесь переход от одной ступени и формы развития к другой осуществляется всякий раз ис-

ключительно благодаря внешнему вмешательству духа, который даёт импульс всеобщим формам бытия человеческой истории (таким, как государство, право, формы художественного творчества и проч.), так сказать, одухотворяет их, сообщает им своего рода жизненную энергию и определяет направление перехода от одной ступени и формы развития к следующей, более высокой ступени и форме развития, в то время как сами эти формообразования, в которых осуществляется общественная история людей, лишены собственного источника развития.

Поэтому-то понятие *положенное*, способное фиксировать *отношения внешней обусловленности* (и только!), но не предназначенное для воспроизведения в движении понятий отношений *порождения, производности* одного реально существующего исторического явления/факта от другого столь же реально существующего явления/факта, то есть – не способное удерживать своим понятийным содержанием *внутренний источник и механизм развития* целостного общественного организма, в итоге оказывается абсолютно непригодным для целей Маркса.

***

Человеку со стороны, неискущённому в премудростях гегелевской и тонкостях марксовской версий диалектики, вся эта «*самостоятельно положенная меновая стоимость*», или – «*товар как положенный в качестве чего-то неравного самому себе*», или – «*полагание товаров в качестве цен*» – всё это на первый взгляд может показаться чистой воды тарабарщиной, в то время как на самом деле это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период Маркс действительно ещё продолжал мучительно искать нужный термин для понятия, использование которого в ходе исследования сложнейшей системы экономических отношений (исследования и без того перегруженного множеством научных терминов и дефиниций) всякий раз избавляло бы его от необходимости воспроизведения всей многообразно разветвлённой цепи причинно-следственных связей, всей замысловатой «родословной» каждого в отдельности рассматриваемого экономического явления/факта, характеризующего *свойственной только ему* «архитектоникой связей».

Чтобы научный анализ, призванный достоверно устанавливать производность и обусловленность одного экономического факта¹⁰ от другого экономического факта (дабы не быть произвольным и хаотичным в последовательности предпринимаемых им шагов), всякий раз не отягощался бы громоздким описанием ранее уже выявленных отношений генетического родства между явлениями экономической действительности, – чтобы избежать всего этого Марксу как раз и была абсолютно необходима такая категория, которая своим содержанием одновременно фиксировала бы не только *процесс изменения* исходного отношения капиталистической системы производства, включая *механизм его трансформаций*, но и резюмировала бы конечный *результат* этого процесса – наличные формы, в которых

¹⁰ См.: описание в 1872 г. И.И. Кауфманом применённого в «Капитале» Марксом диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному, которое сам Маркс оценил как "удачное" описание сути своего метода [4, с. 19-20].

Правда, следует учитывать, что Маркс под *фактом* понимал совсем не то, что понимает позитивизм всех мастей, включая нео- и пост-. В Марксовом анализе экономической жизни переход от одного *факта* к другому *факту* означает переход от одной группы / категории отношений к другой группе / категории отношений – словом, от одной экономической *формы* (например, прибавочной стоимости) к следующей, производной от неё экономической *форме* (прибыли, а от этой последней – к проценту и ренте) и т.д.

протекает действительная жизнь буржуазного общества. Такой категорией и явилась *форма превращённая*.

И только тогда, когда Маркс, наконец, нашёл и выработал этот нужный ему для дальнейшей позитивной разработки экономической теории технический термин, способный вместить новое понятие/понимание механизма развития и соответствующего ему особого типа связей, его научный словарь окончательно обрёл точность и лаконичность языка науки. Тогда для характеристики, к примеру, тех же денег ему уже достаточно стало просто квалифицировать их как *превращённую форму меновой стоимости* (или товара) и уже совсем не нужно было всякий раз, как только речь заходила о них, давать громоздкое описание их скрытой сущностной связи, как это он вынужден был делать в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.», говоря: «... меновая стоимость получает оторванное, отделённое от продукта существование. Меновая стоимость, отделённая от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*» [6, с. 89].

Завершая эту часть анализа, отметим: речь в данной статье велась, конечно же, не о терминах самих по себе (хотя в науке и это очень важно), а о *принципиально разных способах понимания* Марксом и Гегелем *механизмов развития*, неизбежно требующих своего закрепления в соответствующем понятийном аппарате и потому находящих своё выражение в разных терминах. Как никто другой, это прекрасно понимал Фридрих Энгельс, который в Предисловии к английскому изданию I-го тома «Капитала» в 1886 г. (по другому поводу, но в связи со схожей ситуацией) скажет: «...это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечёт за собой революцию в её технических терминах» [9, с. 31].

Применительно к нашей проблеме совершенно очевидно, что на протяжении всего рассматриваемого периода с 1857 г. по 1867 г. в произведениях зрелого марксизма мы имеем дело ни много ни мало как с фактом, свидетельствующим, что *новая точка зрения ещё продолжала искать* для себя адекватное научное выражение. И в этом плане понятие *положенное* (das Gesetzte) вовсе не было чем-то случайным в научном словаре Маркса (тем более – простым кокетничаньем гегелевскими понятиями), а являлось необходимой ступенькой философской зрелости Маркса на пути выработки им собственного научно-теоретического инструментария, – ступенькой, позволившей в итоге реконструировать в движении научных понятий реальный *механизм общественно-исторического развития*, которое (как это теперь нам хорошо известно благодаря всё тому же Марксу) всегда происходит путём *изменения и превращения форм*, путём порождения одной формой общественно-исторической деятельности людей других форм общественно-исторической деятельности, в силу чего развитие общества только и может выступать как некий объективный, надличностный, закономерный – словом, *естественноисторический процесс*.

Десятилетие спустя такое понимание сути общественно-исторического развития получит в «Капитале» своё лаконичное выражение в категоричном заявлении Маркса, гласящем, что «...общество не твёрдый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [4, с. 11]. Надо сказать, что именно такое понимание механизма развития как процесса последовательного осуществления разнообразных превращений (метаморфозов) исходной формы объекта, выработанное Марксом в ходе анализа высшей формы движения материи – в ходе анализа *общественно-исторического развития* – спустя двадцать лет после выхода в свет «Капитала» будет служить Ф. Энгельсу «ключом

к пониманию» диалектики многообразных форм *природного развития* и позволит ему (уже с высоты 1886 года в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») столь же категорично заявить, что как в обществе (подобном *организму*) всё развитие происходит посредством «*превращения форм*», так и «...всё движение в природе сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую» [8, с. 304].

***

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку, но тогда за скобками рассмотрения так и остались бы те собственно философские проблемы, которые, из века в век двигая вперёд мысль человечества, вставляли перед каждым крупным философом, которые незримо присутствовали также и в Марксовом анализе наличных форм бытия прибавочной стоимости и которые благодаря категории формы превращённой только и обрели, наконец, своё решение, пусть и скрытое до поры до времени за массивом политэкономического содержания. Во избежание утраты *уже открытого* человеческой мыслью (в данном случае – К. Марксом) продолжим наш ретроспективный анализ.

В этом отношении небесполезно будет обратиться к замечательной работе классика XX века Николая Гартмана «К основоположению онтологии» [10], где он даёт блестящий историко-философский очерк проблематики, характеризуемой им как «великая историческая линия проблемы бытия» [10, с. 70], которая теснейшим образом оказывается связана с задачей, что (в логическом и методологическом плане) стояла перед Марксом в ходе его анализа законов буржуазного общества, – с задачей *обоснования субстанции*. Словом, достоинство данного очерка состоит в том, что он в сжатом виде содержит проблематику, имеющую самое непосредственное отношение к нашему вопросу о предыстории категории формы превращённой (хотя ни о Марксе, ни, тем более, о форме превращённой у Гартмана нет ни единого упоминания).

Во втором разделе указанной работы, рассматривая так называемое «наивное и субстанциальное понятие бытия», Н. Гартман показывает, как эти противоположные позиции были связаны в истории философской мысли с разными толкованиями бытия (сущего): а) с пониманием сущего как *вещи*, б) с трактовкой сущего как чего-то *данного* и в) с обоснованием сущего как *основы мира*.

«Самая наивная точка зрения, – пишет Н. Гартман, – понимает сущее как вещь, бытие – как вещьность. <...> Ведь именно вещи обладают наибольшей очевидностью <...> Потому точка зрения на сущее как на вещь, почти не оспариваясь, присутствует в обыденном сознании – да и на заднем плане многих теорий – и не только материалистических» [10, с. 174].

Критическую позицию к сказанному, продолжает Н. Гартман, занимает уже точка зрения на сущее как на нечто *данное*, согласно которой бытие есть *данность*. Причём, отмечает Н. Гартман, это воззрение существует издревле в двух разных формах. «Первая форма понимает сущее как то, что засвидетельствовано чувствами. На переднем плане она стоит у досократиков <...> и сохраняется вплоть до положений позднего сенсуализма (*esse = percipi* – существовать = быть воспринимаемым). Вторая постигает сущее как то, что существует в настоящем: в соответствии с ней прошлого так же не существует, как и будущего. У Парменида она сводится к увековечению сущего в точке «сейчас». Это, как и ссылка на свидетельство чувств, есть *предпочтение данного* [очевидного, наличного]» [10, с. 175]. Вряд ли кто будет оспаривать, что в этом *предпочтении данного* уже с самого начала содержатся

гносеологические корни всякого будущего *эмпиризма* как осознанной теоретико-познавательной стратегии, живучесть которой имеет, как видим, свои вполне определённые основания.

Данная точка зрения сохраняется, говорит Н. Гартман, пока не обнаружится, что не всё сущее доступно чувствам и не всё существует в настоящем. Есть сокрытое, которое открывается лишь усмотрением более высокого порядка...; и есть прошлое, которое в настоящем весьма ощутимо сказывается, будущее которое вступает в настоящее. «Есть тесная бытийственная связь, - подытоживает Н. Гартман, - между тем, что находится на большом временном расстоянии друг от друга» [10, с. 175]. Несколько забегаая вперёд, заметим по поводу сказанного: это верно, однако только лишь в том единственном случае, если «одно» в своём существовании *производно* от существования «другого». В противном же случае никакого рационального объяснения наличия тесной бытийственной связи между явлениями, находящимися на большом временном расстоянии друг от друга, попросту быть не может.

Открытие умопостигаемого мира, недоступного чувствам и несводимого к тому, что существует только в настоящем, в свою очередь породило пренебрежительный взгляд на всё, что составляет чувственно воспринимаемый мир – *данность*. «Однажды открыв, что данность [связана с такими свойствами бытия], которые не являются основополагающими, - пишет Гартман, - неизбежно впадают в иную крайность: мол, данное вообще есть лишь поверхностность, нечто внешнее, собственно же бытие есть то внутреннее, что за ним стоит, сокрытое, не-данное. Теперь обещенивается всё чувственное – в пользу сверхчувственного, постижимого лишь на более высокой ступени видения (Schau)» [10, с. 176].

Гартман показывает, что эта мысль также принимает различные формы: разными философами на всём протяжении истории философской мысли не-данное сущее интерпретировалось и как *праматерия*, и как *основа мира*, как *элемент*, как «*идея*» (внутренняя форма), как *субстанция*. В формулах бытия, приспособленных для этого, недостатка нет (истинное бытие, на самом деле бытие, сущность). Однако, и здесь Н. Гартман формулирует очень важный вывод для нашего анализа философской предыстории категории формы превращённой: «...насколько различны содержательные истолкования, настолько едина основная мысль. Все теории о «кажущемся и действительном мирах» – от идей до Кантова учения о вещи в себе – в онтологическом плане обнаруживают один и тот же облик. *Со времени Аристотеля господствующее положение в них занимает понятие субстанции*» (курсив наш – Т. Р.) [10, с. 176], присутствие которого в философских системах всех эпох позволяет с полным правом утверждать, что «...великая историческая линия проблемы бытия, хотя она во многих местах прерывается, затемняется и зарастает, оказывается всё же ясной и определённой. Её не смогла преломить ни скептическая, ни критическая философия [10, с. 70].

Вот он, ключевой момент, связанный с понятием субстанции, с попытками выработать *субстанциальное понятие бытия*, единственно только и позволяющее понять многообразие мира в его единстве – с точки зрения его всеобщих законов, ибо одних только «... категорий essential и existential не хватает, чтобы схватить проблему бытия» [10, с. 190]. Поэтому, возвращаясь к нашему анализу проблемы формы превращённой, специально в назидание рассудочному мышлению, трактующему форму превращённую лишь как нечто превратное и иррациональное, как нечто лишённое сущности и выступающее в виде «квази-предмета» / «предмета-

фантом», заметим следующее: категория формы превращённой, будучи логическим завершением понятия субстанции, в полной мере компенсирует эту недостаточность категорий *essential* и *existential*, объединяя в себе сущность и существование и, тем самым, позволяя теоретическому мышлению «схватить проблему бытия», выразив её в движении понятий. Именно в *форме превращённой* как единстве того и другого (*essential* и *existential*) обретают, наконец, своё примирение и *пафос вечности*, со времён элеатов числившийся по ведомству *сущности*, и *неприятие бренности*, незаслуженно связываемое с *существованием*: и то, и другое в равной мере суть принадлежности *бытия*, которое одно только и «...есть не что иное, как совершенство, ценность» [10, с. 183] – полнота истины, добавим мы.

Усилия мысли, направленные на выработку *субстанциального понятия бытия*, с завидным постоянством предпринимавшиеся в истории философии до Маркса, являются свидетельством существования той незримой нити, которая проходит сквозь века, прочно связывая отдельные учения философов разных времён и достижения каждой в отдельности взятой ступени развития философского мышления, постигающего мир посредством понятий, в нечто единое и целостное, называемое *философией*. И надо заметить, что стремление познать субстанциальное единство в многообразии наличных форм бытия изучаемого предмета свойственно не только философии, но и всякому другому научно-теоретическому мышлению, в том числе и политэкономическому.

Как видим, категория формы превращённой, используемая Марксом в ходе анализа буржуазной системы экономики, имеет весьма и весьма почтенную «философскую родословную», своими корнями уходящую к самым что ни на есть истокам философской мысли. Поскольку у Маркса она напрямую связана с проблемой воспроизведения в теории отношения, которое существует «между видимым движением системы и её действительным движением» – между субстанцией (прибавочной стоимостью) и её собственными формами наличной данности (прибыль, рента, процент ...), – постольку она самым непосредственным образом связана с решением тех же по своему существу задач, на которые были направлены усилия предшествующей философской мысли. Более того, категория формы превращённой является не чем иным, как найденным Марксом теоретическим средством (способом) решения того круга логических проблем, которые с самого начала стояли перед философской мыслью и были связаны с попытками познать *сущее как сущее*, или, как выражается Н. Гартман, «схватить проблему бытия» во всей её *целостности и в развитии*.

Поэтому неудивительно, что и Марксова концепция формы превращённой в онтологическом плане тоже «обнаруживают один и тот же облик» со всеми предшествующими теориями о «кажущемся и действительном мирах», ибо в ней также «.... господствующее положение занимает понятие субстанции» [10, с. 176]. Более того: как уже указывалось выше, в категории формы превращённой понятие субстанции получает своё логическое завершение¹¹, без которого субстанция так бы и

¹¹ Вот, кстати, один из аспектов *Non Finito* (незавершённого) в науке, о котором в своё время говорил М. Лифшиц: хотя Марксу и не довелось, сбросив «экономическое бремя», написать собственно философский труд по диалектике, он сделал это *де факто* – разработав действенный категориальный инструментарий, позволяющий исследовать сложные саморазвивающиеся системы. Именно поэтому *диалектика* как учение о развитии намного превосходит (и по времени, и по существу) *синергетику* как достаточно узкую естественнонаучную версию развития, которая только в XX ст. пришла к осознанию того, что философии было известно (благодаря Аврелию Августину) с сере-

продолжала оставаться «не вполне субстанцией», каковой она была, например, у Спинозы или у того же Гегеля.

Именно в этой логической завершённости механизма действия субстанции состоит теоретическая новизна всей системы логических категорий Маркса и её качественное отличие от тех исторических форм постановки проблемы, в которые она уходит своими корнями.

У Маркса «форма превращённая» есть категория, фиксирующая *результат действия* субстанции, вобравший в себя ведущий к нему путь, – *порождение ею новых форм бытия*, – и потому позволяющая «схватить проблему бытия» в единстве его чувственно-конкретной данности и сверхчувственной сущности. Принципиально новым и принципиально важным здесь является то, что таким образом достигается понимание органического единства не просто *двух пластов бытия*, но *двух пластов бытия*, взятых в их *временном измерении* – в их историческом развитии.

И в самом деле, благодаря *форме превращённой* в Марксовом анализе экономических отношений оказываются органически слиты и переплетены две взаимосвязанные линии их онтологического единства, которые прежней философской мысли не удавалось логически совместить в методе исследования: 1) линия единства бытия, представленная соотношением наличных форм бытия с их внутренней субстанциальной формой («видимый и действительный миры») и 2) линия единства бытия в виде «тесной бытийственной связи» прошлого, настоящего и будущего, совместно только и образующих действительное бытие исследуемого предмета во всей его *полноте* и *целостности* – *сущее как сущее*.

Соответственно знание, которое не способно выразить органическое, структурно-функциональное единство и взаимообусловленность этих двух измерений бытия исследуемого предмета, не может претендовать на статус истинного знания, даже если оно по видимости *соответствует* наличным формам бытия предмета, воспроизводя их в деталях и с зеркальной точностью в своих рассудочных представлениях.

дины V века, а именно – что развитие носит направленный характер и может быть изображено на «стреле времени». К тому же совершенно очевидно, что синергетике пока ещё невдомёк, что всякое развитие, в том числе – и в мире физическом, происходит путём *превращения форм*. Физике, на протяжении столетий пренебрежительно третировавшей философию, понадобится ещё не одно десятилетие, чтобы она хотя бы в общих чертах приблизилась к пониманию действительного механизма всякого развития, открытого Марксом ещё в середине XIX ст. Это обстоятельство может служить не только некоторым утешением для философии, но и быть достаточным основанием, чтобы сегодня предостерегающе провозгласить: «Метафизика, бойся физики!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагозина Т.Э. Форма превращённая как универсальная категория диалектики / Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2017. – Выпуск № 2 (6). – С. 60-69.
2. Мамардашвили М. Форма превращённая / М. Мамардашвили // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т.5: Сигнальные системы – Яшты. – С. 386-389.
3. Багатурия Г.А. Первое великое открытие Маркса / в кн. «Маркс – историк» – М.: издательство «Наука», АН СССР, Институт истории. – 1968. – 107-173 с.
4. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26, ч. III. – 674 с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1980. – 619 с.
8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – С. 269-317.
9. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию I-го тома «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 30-34.
10. Гартман Н. К основоположению онтологии. : пер. с нем. Ю. В. Медведева. – Санкт-Петербург: «Наука», 2003. – 639 с.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

e-mail: tatyana.ragozina@list.ru

ON «PHILOSOPHIC FAMILY TREE» OF TRANSFORMED FORM CATEGORY: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Annotation. *The article attempts to reveal authentic Marx's interpretation of the category 'transformed form'. Due to this there is given retrospective analysis of its genealogy in the history of philosophic thought.*

Key words: *retrospective analysis, history, development, substance, transformed form – initial form, Fixed (das Gesetzte), present forms.*

Поступила в редакцию 19 мая 2018 г.